

Марина Ветрова

Жестокий староста.

Я не стану твоей
собственностью!

Марина Ветрова

**Жестокий староста. Я не
стану твоей собственностью!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Жестокий староста. Я не стану твоей собственностью! /

М. Ветрова — «Автор», 2026

На первом практикуме Артур Ветров разорвал мои конспекты и выбросил их в мусор.— Тебе не место среди будущих хирургов, Полина! Он — богатый сын знаменитого врача и староста курса. Я — бедная стипендиатка, которая мечтает создавать искусственные сердечные клапаны. Когда меня обвинили в краже оборудования, отняли лабораторию и выселили из общежития, Артур предложил защиту. Цена — работа под его контролем и молчание о чужих махинациях. Но у меня остались чертежи, верный союзник и доказательства подлога. Я выйду на конкурс и заставлю их признать мой талант. Только почему тот, кого я ненавижу, оказывается мужчиной, от прикосновения которого так замирает сердце?

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Марина Ветрова

Жестокий староста. Я не стану твоей собственностью!

Глава 1

Нос щиплет так, что я останавливаюсь перед дверью и тру его через рукав. Зря: кофе на манжете не отстирался. Теперь и формалин будет. До конца недели ходить в этой куртке — другой нет, а здесь уже успели выяснить, какая у меня марка телефона и где я покупаю одежду. Чихнуть бы и войти, пока никто не смотрит.

В четвёртой анатомической рассаживаются. Ножка стула скребёт по полу; кто-то смеётся, и я задерживаю ладонь на ручке двери. Месяц после перевода, а привычка переждать у порога всё ещё со мной. Попала сюда по баллам. Иногда хочется носить распечатку результатов на груди: вот, читайте, меня тоже приняли. Повышенную стипендию, правда, выдают за оценки, а не за обиды. Потеряю её — придётся брать дополнительные смены и спать ещё меньше.

Артур Ветров стоит у среднего стола и читает лист, даже не наклонившись. Спина у него, наверное, никогда не устает. Староста, сын главного хирурга, халат без единой складки. У его локтя устроилась Кира Ланская. Дочь декана улыбается ему прямо в ухо и тянет пальцы к воротнику. Я смотрю на них слишком долго. Ей позволено поправить его одежду, а меня этот же человек вчера отчитывал за расстёгнутую пуговицу. Сам предложил помощь, называется.

— Заходи уже, Полина, — говорю себе почти беззвучно. — Дверь за тебя пару не отсидит. И нажимаю на ручку сильнее, чем нужно.

Кира поднимает глаза раньше остальных. Подвигает тетрадь к себе, будто я собралась её отнять, и толкает соседку локтем. Обе смеются, глядя в конспект. Тоже мне, спрятались. Мой адрес за этот месяц обсудили даже те, с кем я ещё не знакома. Сейчас спросят, включили ли у нас за кольцевой горячую воду. Я заранее придумываю ответ и злуюсь: зачем вообще трачу на это голову?

До моего места четыре стола. Считаю их, пока иду. Последний у окна, под лампой, которая любит гудеть, зато никто не сидит за спиной. На салфетке раскладываю скальпель, пинцет и ножницы. Сдвигаю пинцет чуть левее. Вот теперь удобно. Про себя повторяю порядок работы; на Кирилл стол больше не оглядываюсь.

Громов входит с журналом под мышкой, и разговоры постепенно обрываются. Профессор грузный, ходит между столами боком, чтобы не задеть лотки. У моего задерживается, проверяет инструменты и кивает. Я успеваю выдохнуть. Ветров в центре зала всё ещё занят своим листом, но после вчерашнего мне хочется сразу предупредить профессора: если староста опять придёт командовать, я сама работу сдам.

Сегодня препарируем фасциальные влагалища верхней конечности. На столе передо мной правая рука донора; отметку для разреза я сделала ещё до начала пары. Натягиваю перчатку, манжета хлопает по запястью. Сосед вздрагивает. — Извини, — шепчу. Он машет рукой, у него собственная перчатка не налезает на большой палец. Даже это чуть помогает.

Громов показал на своём препарате, как отделять поверхностные ткани. На демонстрации лезвие слушалось его без вопросов. У меня же линию хочется проверить третий раз. Если испорчу — сдавать придётся испорченное, второй препарат мне никто не выдаст. Наклоняю лампу, пока разметка не становится чёткой. Главное, без рывка.

Беру пинцет левой рукой. Правой поднимаю скальпель и задерживаю его на секунду над линией, пока перестаю слышать чужие стулья. Дальше движение я знаю. Опускаю лезвие.

Лампа внезапно тускнеет. Ещё секунду назад край ткани был хорошо виден, теперь попадает в тень. Я шурю и, вместо того чтобы остановиться сразу, веду лезвие чуть правее. Ошибку вижу, когда уже поздно: на краю остаётся зазубрина. Маленькая. На обычной учебной работе Громов, может, даже разрешил бы продолжить. Но Ветров умеет заметить именно то, что ты надеешься спрятать.

Перехватываю рукоятку. Под перчатками влажно, лезвие стоит на месте. Можно зайти с другой стороны и выровнять край? Нет, так задену глубже. «Дохвасталась своими баллами», — думаю я, глядя на зазубрину. И всё-таки подвожу скальпель ещё раз: ужасно хочется, чтобы ошибки не было.

Кто-то задевает спинку моего стула. Скальпель всё ещё над препаратом.

Оборачиваюсь и едва не упираюсь лицом в его халат. Ветров подошёл вплотную. Пока он здесь, на препарат падает ещё и его тень. Я поднимаю локоть, чтобы не задеть лезвием чужую руку.

Артур берётся за рукоятку поверх моих пальцев. Ногти короткие, даже на практике ему удаётся не выглядеть усталым. Разжимаю кисть: не хватало ещё тянуть острый инструмент каждый к себе. Скальпель звякает о лоток. Мне хочется забрать его обратно, но он уже повернулся к аудитории.

— Инструмент загрязнён, — говорит Артур, отчётливо, для всего ряда. — Твоя небрежность превратила стерильное пространство в помойку. Я смотрю на лоток. Загрязнён чем? Моей рукой в перчатке? Он даже препарат не проверил.

Сосед перестаёт бороться с перчаткой и смотрит на нас. За его плечом тоже повернулись. Нужно ответить сейчас, пока это ещё разговор о работе. Я делаю вдох, но воздуха хватает лишь на начало фразы.

— Это... это было минимальное отклонение, — начинаю я, и голос предательски срывается. — Я могла бы продолжить работу. Профессор говорил, что на первом этапе допускаются...

Он поднимает ладонь между нами. Я обрываюсь на слове «допускаются». До Громова отсюда два стола, но профессор занят другим студентом. Пытаюсь поймать его взгляд, пока Ветров решает, что со мной делать.

Артур замечает тетрадь рядом с планшетом для зарисовок. Я сразу кладу ладонь на угол страницы. Здесь схема сосудов, переписанная три ночи подряд: стрелка в автобусе всё время съезжала, пришлось дома исправлять. Он смотрит на неё, и почему-то хочется убрать тетрадь под халат, как телефон на улице.

Он дёргает тетрадь из-под моей ладони. Первый лист надрывается у корешка. Следом второй, третий. Я успеваю сказать только «стой», а он уже комкает их. Влажная перчатка оставляет серый след на чернилах. Моё имя на верхнем углу пропадает внутри его кулака.

Вот тут я перестаю понимать, зачем стою. Работу оценить можно, тетрадь-то за что? Громов в конце ряда поднял голову. Видит. Я жду, что он скажет старосте остановиться, и от этого ожидания становится ещё хуже.

Артур бросает комок к двери. Бумага задевает край ведра и исчезает внутри. Я слышу металлический стук; пальцы всё ещё прижаты к столу, где только что лежала моя тетрадь.

Кира вытягивает шею. Даже улыбаться забыла, так хочет рассмотреть моё лицо. Я смотрю мимо неё, туда, где стоит профессор. Может, если я сама сейчас скажу громко, он вмешается? Ветров не даёт мне начать.

— У тебя нет права занимать рабочее место в состоянии интеллектуального беспорядка. Оставь инструменты. Иди. Артур произносит это, глядя прямо на меня. Буднично, как будто я опоздала и мне велели подождать в коридоре. От этой будничности я почти верю, что должна послушаться.

Отступаю от стола. Колено задевает стул, он скрипит так громко, что несколько человек вздрагивают. Я сейчас заплачу; чувствую это по тому, как сводит нос. Хочется схватить Ветрова за воротник и вытрясти хоть одно нормальное слово. Почему он молчит о лампе? Почему все молчат? Зацепляюсь взглядом за ведро и понимаю: ещё шаг к двери — и мои страницы там останутся.

Посреди ладони давит пинцет. Я всё ещё держу его, уже отойдя от препарата. Опускаю глаза на пальцы, потом на ведро у двери. Нельзя уйти без этих листов.

Кладу пинцет в лоток. Снимаю перчатки и оставляю рядом. Руки дрожат, и я больше не пытаюсь это скрыть.

Ветров ждёт, что я выйду. Я тоже жду от себя чего-то достойного, но сейчас достойное — это забрать три испачканных листа. Остальное потом.

Глава 2

У ведра опускаюсь на колени. На холодном кафеле сразу чувствуется шов между плитками. Кто-то втягивает воздух, Кира смеётся. Пусть. Стоя я до дна не дотянусь. Держусь одной рукой за край, второй лезу внутрь.

Приходится наклониться и дотянуться до самого дна ведра. Достаю смятый шарик. На бумаге мокрое пятно от выброшенной салфетки, к краю прилипла пыль. Отряхиваю её; одну из своих стрелок уже не разобрать.

Распутываю комок на коленях. Он оказался сложен так туго, что край рвётся ещё раз. Разглаживаю бумагу ладонью, придавливаю сгибы. Часть чернил расплылась, зато нужная мне линия сохранилась. Нахожу её, и от этого простого узнавания возвращаются слова. Стрелку я рисовала сама. Работу тоже делала сама.

Артур до сих пор рядом с моим столом. Поднимаю голову и встречаю его взгляд. Он смотрит на листы у меня на коленях, потом на лицо. Я придерживаю страницы ладонью и говорю, пока он опять не поднял руку.

— Посмотрите на препарат, профессор, — говорю я. Голос дрожит, и приходится повторить громче. — Повреждён край фасции, глубже я не пошла. Я остановилась, как вы учили. Почему мою работу сдаёт староста, а не я?

Я указываю пальцем на лампу над моим столом.

— Три минуты назад свет стал слабее. Посмотрите на лампу. Я ошиблась, да. Но оценивать нужно препарат, а не мою тетрадь. Я хочу закончить работу при нормальном свете.

Громов переводит взгляд на лампу. Сзади спрашивают шёпотом: «А правда свет менялся?» Я держу палец поднятым, хотя он дрожит; пусть все увидят, куда смотреть.

Кира начинает что-то говорить, но Артур поднимает руку уже в её сторону. Она замолкает, приоткрыв рот. Раньше мне не приходилось видеть, чтобы он перебивал её. Я даже забываю опустить палец.

Ветров молчит. Я жду нового приказа, крепче прижимаю листы к юбке. Он ещё раз смотрит на лампу, потом поворачивается к выходу. Если бы он сейчас разрешил мне вернуться к столу, я бы, наверное, согласилась. И ненавидела бы себя за это.

На пороге он останавливается, не оборачиваясь.

— Следующий практикум начнется ровно в восемь, — бросает он в пространство между нами. — Твои руки пахнут дешевым дезодорантом. Это недопустимо. Хирург не должен отвлекаться на запахи.

И уходит.

Дверь за ним закрывается. Громов сразу велит сдавать препараты: до конца пары осталось несколько минут. Я не возвращаюсь к столу. Помятые листы лежат на коленях, и теперь, когда надо подняться, ноги начинают дрожать. Студенты проходят к выходу, замедляются рядом. Никто не спрашивает, нужна ли мне помощь. Хорошо. На такой вопрос я точно расплачусь.

Встаю, держась за стену у двери. Отряхиваю юбку и складываю страницы в тетрадь, как получается. Потом жду, пока опустеет проход. В коридоре можно отвернуться к окну; в аудитории даже нос вытереть некуда, все увидят.

У пожарной лестницы на нижней ступеньке сидит Денис. Вначале замечаю телефон в его руках и думаю: тоже снимал? Потом он поднимает голову, и я узнаю лаборанта.

Денис обычно занят нашими стендами. Когда Ветров объясняет, почему они не должны ломаться, Орлов уже снимает крышку. Сейчас он убирает телефон экраном вниз. Я иду мимо, не зная, нужно ли здороваться после такого.

Когда я прохожу мимо, он протягивает мне чистый платок. Белый, сложенный треугольником.

— Руки вытри, — говорит он. — На пальцах чернила. Смотрю на ладони. Правда. От листов остались серые полосы, и я успела испачкать ими юбку.

Я механически беру платок. На ткани что-то написано простым карандашом. Я разворачиваю его.

«Он всегда проверяет свет перед тем, как выключить его. Ты прошла тест на внимательность, но провалила тест на выживание. Будь осторожна с теми, кто носит белое».

— Ты это видел? — спрашиваю я. Денис уже снова смотрит в телефон. — Пульт? Да. — Почему не сказал? Он сдвигается на ступеньке, освобождая проход. Я не собираюсь подниматься по лестнице, но он почему-то делает вид, что мешает именно этим.

Проверяет свет?

Вспоминаю, как Артур стоял у пульта. Я тогда решила, что он проверяет лампы перед практикумом. Он ведь всегда проверяет, всё ли правильно. И мой свет после этого стал слабее. Я вспоминаю его пальцы на кнопках, а не сам момент — на лампу в тот миг я не смотрела.

Выключил специально? Чтобы я ошиблась, а потом заметила причину? Трудно поверить, что староста стал бы возиться с моей лампой ради подобной проверки. С другой стороны, он только что разорвал три листа перед всем потоком. Нормальной причины у этого тоже не было.

Если ему нужно было проверить меня, хватило бы вопроса. Одного. Я бы ответила, не сидя на полу возле мусорного ведра.

Ещё раз читаю: «Провалила тест на выживание». Карандаш продавил ткань, буквы видны даже с обратной стороны. Денис потратил время, чтобы написать это, вместо того чтобы просто сказать.

Что он имел в виду?

Может, Артур ждал, что я заговорю? Начну спорить? Профессор всё-таки посмотрел на лампу, когда я указала на неё. Тут же злюсь на эту мысль. Очень удобно: он рвёт мои листы, я ищу ему хорошую причину. От понимания легче не становится, даже если причина существует.

Я теперь вернусь в общежитие и буду переписывать схему. А завтра по дороге на пару буду гадать, кто видел меня на коленях. Ветров об этом даже не узнает: он ушёл раньше, чем мне удалось встать.

Что он проверял — мою работу или меня?

Платок уже скомкан в кулаке. Расправляю его, чтобы не стереть карандаш. Пора идти, а я стою между лестницей и окном, как будто кто-нибудь всё-таки вернётся и объяснит. Староста унизил меня при всех, лаборант дал предупреждение и отвернулся. Кого из этих двоих теперь обходить первым?

На лекции я выбрала третий ряд: подальше от двери анатомической, откуда тянуло формалином. Кира всё равно села рядом. От её духов хотелось открыть окно, но для этого пришлось бы протиснуться мимо неё. Я достала вчерашнюю тетрадь. Края спасённых листов торчали наружу, и я пригладила их ладонью. Очень зря — Кира заметила. Снова услышала «помойку», хотя Ветров ещё даже не повернулся.

Громов включил проектор. Очки у него съехали, он поправил их и велел читать условие самостоятельно. Сердечная недостаточность на фоне диабетической комы, таблица назначений, приложение. Два значения массы не совпадают. Перевожу взгляд с одной колонки на другую, чтобы убедиться: да, расхождение здесь специально. Наконец что-то, чем можно заняться вместо собственной тетради.

— Разбор алгоритма действий. Немедленно, — бросил Громов, не поднимая глаз от конспекта.

Щёлкнула кнопкой ручки, поставила дату — вместо цифр получилась царапина. Потрясла стержень, разрисовала поле кругами. Появилась бледная полоска и снова исчезла. Ну конечно. Вчера моя работа летала в мусорку, сегодня я не могу записать условие. Полезла в сумку за запасной ручкой, прекрасно помня, что запасной у меня нет.

Кира положила передо мной ручку с серебристым корпусом. Не протянула, а именно положила, чтобы соседка успела увидеть. — Возьми. Или тебе удобнее писать кровью? Я почти улыбнулась: ручка, оказывается, выдавалась вместе с комментарием. Брать её сейчас было бы даже дороже, чем покупать новую.

Соседка Киры наклонилась ближе, будто мы уже интереснее случая на экране. Ещё бы: Ланская благодетельствует. Потом будет всю неделю вспоминать, как одолжила нищенке ручку.

Подвинула ручку обратно. На меня уже поглядывали с соседней парты. Стараясь не торопиться, вырвала из тетради чистый лист: можно отвечать и без конспекта, но формулы лучше иметь перед глазами. Рванный край зацепился за палец. Разгладила его и оставила лист поверхмятых страниц.

Из-за плеча появилась деревянная палочка. Карандаш. Денис положил его у самого края парты и сразу убрал руку, продолжая смотреть в ноутбук. Я обернулась, чтобы сказать спасибо, но он только кивнул в сторону экрана с задачей. На его пальцах остались пятна реактива; грифель был заточен остро, как раз для мелких цифр.

Взяла карандаш. У Киры дёрнулась щека; она спрятала свою ручку так быстро, что стукнула колпачком о застёжку сумки. Спереди спросили: — Карандаш? Спину Ветрова я узнала прежде, чем он закончил слово.

Он даже не обернулся. Сидел прямо, белый воротник над спинкой стула. — В стерильной зоне? Ты даже гигиену не соблюдаешь, когда думаешь, Полина. Грифель — это графит и глиняная пыль. Ты пачкаешь воздух своим невежеством. Я посмотрела на потолок. Аудиторию, видимо, следовало заодно стерилизовать от его голоса.

Кто-то засмеялся, потом ещё двое. Громов поднял голову. Если сейчас промолчу, на всю лекцию останусь той, которая пачкает воздух. Профессор уже собирался продолжать, и я подняла карандаш вместо руки.

Вцепилась в карандаш, чтобы не бросить его Ветрову в затылок. — Здесь лекционный зал, а не стерильная зона. Профессор, можно к задаче? Первым делом нужно проверить исходные данные. В условии расходятся масса пациента и та масса, по которой составлена таблица назначений.

Мой голос звучал ровно, хотя внутри все тряслось. Карандаш скрипел по бумаге, оставляя темные, уверенные следы. Я игнорировала замечание о гигиене. Обвела две цифры на листе. Теперь они отличались даже для тех, кто не успел прочитать условие.

— Альтернативный протокол не требует этих пересчётов, — вмешалась Кира, чувствуя, что Артур теряет контроль над ситуацией. Она развернулась на стуле, улыбаясь своей фирменной улыбкой акулы. — Свежая статья в «The Lancet». Там используют другую схему. Мы живем в двадцать первом веке, а не в советских учебниках.

Кто-то полез искать статью в телефоне. Кира выдержала паузу, довольная тем, как прозвучало английское название. Я тоже читала эту работу — в библиотеке, пока её подружки выбирали кафе.

Я резко повысила голос. Так резко, что несколько человек вздрогнули. — Кира, открой критерии включения в исследование. Пациентов с таким состоянием туда не брали. Тыносишь выводы на человека, для которого их никто не проверял. А несовпадение в таблице остаётся, каким бы свежим ни был журнал.

Кира приоткрыла рот, глянула на экран. Закрыла. Пришлось прикусить щёку, чтобы не улыбнуться слишком заметно: впервые она не знала, какую реплику подготовить следующей.

Глава 3

Громов позвал меня к доске. Перенесла расчёт с листа, подписала единицы измерения и вернулась на место. Я ещё не села, когда Артур встал. Он шёл к доске, держась за край стола; хотелось спросить, что именно он собирается исправлять, пока всё написанное было видно. Но он уже взял салфетку. — Твой расчёт не сходится. Стёр часть строки и провёл чёрным маркером новую. Маркер скрипнул. — Ты взяла значение из приложения. В условии другое. По твоей таблице назначение получится завышенным.

С моей парты цифру он загораживал плечом. Я наклонилась вправо и увидела, что именно стёрто. Чёрт. Он выкинул переход между единицами. Даже Громов перестал делать пометки и смотрел теперь только на доску.

Пришлось идти обратно. В проходе сумка соседки мешала ногам, я переступила её и задела ремень. Кто-то потянул его к себе, освобождая дорогу. Странно: ещё минуту назад слушали про графит, а теперь всем хотелось увидеть, кто из нас ошибся.

Артур не отступил. Чтобы взять красный маркер, мне пришлось протянуть руку перед его грудью. Пахло мылом; на воротнике совсем близко виднелась одна влажная полоска. — Подвинься. Он сделал полшага. Я вернула стёртую строку, связала её стрелкой с его числом и обвела подпись в приложении. — Здесь граммы, а у тебя килограммы. Приведи к одной системе и сравни ещё раз.

Маркер дрожал вместе с рукой, красная стрелка вышла зубчатой. Пришлось дорисовать наконечник. Теперь даже с последнего ряда было видно, какую колонку я предлагаю проверить. Слово «тысяча» Громов написал рядом сам.

— Она подкрутила данные, — шепнула Кира соседке слева. Громкость шепота была рассчитана так, чтобы услышали многие. — Просто зубрила этот один случай. Повезло.

По рядам пошёл шёпот. Несколько человек листали условие, но один смотрел только на меня. Наверное, решал, могла ли я заранее выучить задачу. Я посмотрела на Кирину соседку: та убрала телефон со стола. Хорошо бы они так же охотно проверяли расчёты, как снимают чужие слёзы.

Повернулась от доски к партам, оставляя красную стрелку открытой. — Кто сомневается, подойдите. Проверьте формулу. В первом ряду парень поднял голову, будто собирался встать. — Прямо сейчас, — добавила я. Он снова посмотрел в тетрадь. Кира уткнулась в телефон, словно перестала нас слушать.

Никто не вышел. Я постояла ещё секунду, чтобы приглашение не выглядело шуткой, и повернулась к Ветрову. Теперь мне хотелось, чтобы он сам сравнил обе строки вслух. Я слышала, как щёлкают камеры телефонов за спиной: доску уже фотографировали.

Артур развернул маркер в пальцах. Смотрел на красную стрелку, не на меня. — Метформин. Почему ты исключила его из базовой терапии при диабете второго типа? Он спросил быстро, ещё до того, как профессор заговорил. Так и не признал, что значит «тысяча» у него перед глазами.

От таблицы мы за секунду перескочили к терапии. Очень удобно, Ветров. Значит, следующей будет ещё одна тема, потом ещё, пока я наконец не запнусь. Кира уже выпрямилась, приготовившись слушать мой провал.

Я не колебалась ни секунды. — Потому что это разбор острого состояния, а не его обычной терапии дома. Я указала причину в третьем пункте. Ты стёр его салфеткой. Могу написать заново.

Я ждала, что он задаст следующий вопрос. Стояла близко, почти вплотную; раньше обязательно отступила бы, чтобы дать ему место. Сейчас оставалась у красной строки. Посмотрит на меня — увидит и её.

Громов откашлялся. — Ветров, почему ты пропустил подпись к таблице? Голос профессора был обычным, лекционным. От этого Артуру было ещё труднее сделать вид, что это очередная перепалка со мной.

Он замер с маркером над доской. Проверил подпись, затем собственную строку. Теперь его чёрная линия и моя красная шли рядом, и спорить было не с кем: единицы напечатаны в условии. Я заметила, как он сглотнул. До смешного маленькая ошибка для человека, который только что говорил о моём невежестве на весь зал.

Можно было повторить «ты загрязняешь пространство» и дожидаться смеха. Фраза уже стояла у меня на языке. Но Громов смотрел на Артура, а тот на цифры, и мне вдруг расхотелось помогать аудитории смеяться. Пусть лучше фотографируют моё решение. Мне достаточно, что я его защитила. Достаточно ведь? Я убрала маркер от доски, чтобы не продолжать обводить и без того видную ошибку.

Я сделала шаг вперед. — Приложение напечатано мелко, — сказала я. — Профессор, можно закончить расчёт вдвоём? Мы теперь нашли расхождение.

Громов приподнял брови, потом махнул нам: заканчивайте. Артур повернулся ко мне. Я думала, он огрызнется, скажет, что в моей жалости не нуждается. Вместо этого он подвинулся, оставляя мне половину доски. Мой красный маркер оказался между нами. Артур посмотрел на него и первым вернулся к формуле. Я дописала переход рядом с его строкой.

К концу пары расчёт стоял на доске целиком. Профессор разрешил его сфотографировать, и я тоже достала телефон. На снимке в углу оставалась красная неровная стрелка. Кира прошла мимо, задев мою сумку своей. Уже открыла рот, но передумала и вышла. От этой несказанной колкости я начала ждать следующую ещё сильнее.

Денис задержался у двери. Я показала ему карандаш. Он кивнул: оставь. Потом вышел вслед за остальными. Совсем простая вещь, а у меня вдруг заболело в носу, как бывает перед слезами. Пришлось опустить глаза в сумку.

Пока собирала вещи, все успели уйти. Артур остался у доски. Я видела его ботинки под партой и не хотела поднимать голову: сейчас испортит и эту маленькую победу.

Запихнула тетрадь в сумку, но край одного из вчерашних листов загнулся. Достала её снова, поправила. Пальцы плохо слушались; после ответа у доски я устала сильнее, чем после ночной смены. В тишине было слышно, как Артур кладёт маркер на полку.

Он подошёл к моей парте. Я сначала заметила манжету халата рядом с сумкой, потом уже посмотрела вверх. Если встану сейчас, придётся задеть его плечом. Он мог бы отойти на полшага, но не отходил.

— Ты спасла меня. Сказал тише, чем говорил у доски. Я невольно наклонилась вперёд: хотелось ещё раз услышать, правда ли это его слова. Очень плохая привычка — приближаться к человеку, от которого собиралась держаться подальше.

Я посмотрела на него. Он нависал надо мной, блокируя выход. Его рука метнулась к моему лицу. Холодные пальцы сжали подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза. Я замерла на один вдох — и тут же взялась за его запястье. — Руки убери. Я и так на тебя смотрю. Сердце колотилось где-то в горле; я ненавидела себя за то, что заметила его губы раньше, чем нашла слова.

Он ослабил хватку. Я отпустила запястье только тогда, когда он убрал руку. — Теперь я должен спасти тебя от самой себя, — прошептал он так близко, что его дыхание коснулось моих губ.

Я ждала, что он объяснит свою фразу. Он ждал чего-то от меня. Смотрел на рот, потом в глаза; я заметила это и тут же перестала нормально дышать. Проклятый карандаш всё ещё лежал в кармане. Я помнила про него, пока пыталась не смотреть на Артуровы губы.

Он резко отступил от стола. И ушёл. Я провела пальцем по подбородку, вытащила из кармана карандаш Дениса. С этой минуты держать дистанцию придётся нам обоим.

Глава 4

В столовой я взяла чай и самое дешёвое из горячего. Вчера ещё могла позволить себе улыбаться, пока смотрела на фотографию доски. Сегодня две девчонки у раздачи замолчали, как только увидели мой поднос. Обе посмотрели мне за спину, словно там шёл кто-то интереснее. Я обернулась тоже — никого. Значит, спектакль для меня.

За моим обычным столиком сидела Лиза. Рядом стул пустовал; я даже успела обрадоваться, что не придётся искать место. Но она сняла рюкзак с колен и поставила туда, куда я собиралась сесть. Мы посмотрели друг на друга через эту сумку. Я ждала хотя бы «занято». Лиза отвела глаза и спросила что-то у соседки, до этого молчавшей.

Ещё пару секунд стояла с подносом. Чай плеснулся в чашке; я смотрела на него, чтобы не смотреть на Лизу. Потом развернулась и нашла стол в дальнем углу. Там можно поставить чашку, не услышав, что она тоже кому-то мешает. Села спиной к стене. Есть уже не хотелось, но выбрасывать обед было жалко.

— Полин!

Кира подошла, когда я размешивала сахар. Назвала меня так ласково, будто мы вчера вместе выбирали ей духи. На её подносе лежал торт, красивый и, наверное, дорогой. Я невольно сравнила его со своим обедом и разозлилась: вот зачем она принесла поднос, чтобы даже за столом меня оценивать.

Она упёрлась бедром в стол. От толчка чай пошёл к краю чашки. — Ты правда думаешь, что профессор Громов позволит тебе трогать его инструменты, если вы просто коллеги? Последнее слово Кира произнесла громче. Соседний стол зашевелился. — Или свою стерильную маску дома забыла?

Парень у окна засмеялся с набитым ртом, закашлялся. Его соседка потянулась за салфеткой и тоже смеялась. Я смотрела на неё: через неделю такая же рука могла оказаться рядом со мной на практикуме. От этого суп во рту стал совсем безвкусным.

Кира ждала, что я спрошу, о чём она. Тогда можно будет рассказать слух ещё раз и сделать вид, что объясняет. Я положила ложку на тарелку. — У меня нет времени на твои фантазии, Ланская. Ешь торт, пока крем не поплыл. Жалко будет папины деньги. Она отодвинулась от стола, и я успела встать прежде, чем она ответила.

Поднос пришлось отнести самой. Ни чай, ни горячее я так и не доела. Кира осталась между столами, а мне следовало пройти мимо смеющегося парня и не ускориться. Руки держали поднос крепко, но тарелка всё равно дребезжала. Поставила его на стойку, дождалась, пока женщина за ней примет посуду, и только потом вышла. Хоть этим куском пути распорядилась сама.

Артур ждал у колонны перед аудиторией. Руки в карманах, на груди бейдж старосты. Сегодня он ещё не сделал мне ничего, а я уже остановилась на расстоянии, с которого можно развернуться и уйти. Он посмотрел на часы. Будто я сама назначила встречу и опоздала.

— Комиссия получила анонимное письмо. О несоответствии этическим нормам. Тебе нужны объяснения до начала пары. — Анонимное? — Сейчас, Полина. Он произнёс моё имя так, как Громов произносит «следующий».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.